

ЛЕНИНСКОЕ ПОНЯТИЕ КЛАССА КАК ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

ЧЕРНЫШ Михаил Федорович – доктор социологических наук, член-корреспондент РАН, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия (mfche@yandex.ru).

Аннотация. Ленин известен как революционер-практик и как теоретик, внесший существенные уточнения в понятие класса. Класс он понимал как большую группу людей, объединенных схожей социальной ситуацией, разделенной на слои, отличающиеся не только уровнем квалификации труда, но и мировоззренческими характеристиками. Ленин отмечал, что внутриклассовая дифференциация делает невозможной консолидацию класса в целом в борьбе за преобразования. В своем теоретизировании классов он, руководствуясь политическими задачами, брал их в реальности, не умозрительно, и рассматривал как гетерогенные группы, склонные к уступкам и социальным компромиссам. В условиях страны с отсталой аграрной экономикой, когда общество находится под постоянным прессингом авторитарной власти, реальные преобразования, полагал Ленин, могут быть осуществлены только посредством мобилизации убежденного, подготовленного меньшинства, организованного в сеть подпольных организаций. В центре сети должна находиться небольшая боевая партия, обладающая кадрами, способными работать в условиях подполья. Партия должна сохранить власть даже в случае победы революции для того, чтобы новая власть могла противостоять мелкобуржуазной стихии. Ленинская концепция класса как совокупности интересов, воплощенных в идеальном типе, и сохраняемой небольшой группой убежденных революционеров отвечала реалиям аграрного архаичного общества, в котором модернизация могла быть осуществлена в короткие сроки только благодаря максимальной централизации и мобилизации. Ленинская концепция конструируемого класса утрачивала актуальность по мере того, как советское общество становилось современным.

Ключевые слова: марксизм • классы • классовые интересы • классовая дифференциация • мобилизация • революция

DOI: 10.31857/S013216250009107-0

Ленинский проект: от феодализма к социализму. Немногие помнят, что в советское время Ленин предстал как беззаветный борец за права трудящегося народа, революционер, сохранивший до конца верность заявленным идеалам. В том, что вокруг фигуры Ленина в советское время возник ореол непререкаемого вождя революции, сыграл роль социальный императив консолидации власти вокруг действительно крупной фигуры, собиравшей в себе лучшее, что было сделано российским революционным движением. Ленин ставился в центр круга и, находясь в этом центре, стягивал центробежные силы, возникавшие в обществе, неизбежные в постреволюционный период. В фигуре Ленина соединялись лучшие качества революционера и интеллигента, наследника, с одной стороны, европейской революционной традиции, с другой – освободительных традиций русской интеллигенции – от Чаадаева и Радищева до Достоевского и Толстого. Ленин сам не прочь был соответствовать подобной оценке, накрепко связав Толстого с русской революцией и показав его сословную ограниченность, невозможность для него сделать тот самый следующий шаг в будущее, который сделали, как он полагал, большевики [Ленин, 1968: 213–216].

Возвращение к Ленину, провозглашенное в период перестройки, имело ту же степень неопределенности, что сама эта фигура в противоречивой советской метафизике.

Возвращение могло бы означать движение в сторону социальной справедливости, ожесточенную борьбу с партийным аппаратом, перерождавшимся, жаждавшим установить полный контроль над обществом и ресурсами страны. Но возвращение могло стать и движением в сторону ограниченного рынка, новой экономической политики, которая продемонстрировала на определенном этапе советской истории свою экономическую эффективность. Китайский опыт говорит о том, что уроки нэпа имели серьезные последствия для коммунистического движения, что в этой модели имелся значительный, не до конца раскрытый потенциал создания экономики сдержек и противовесов, государственного дирижизма, с одной стороны, и рыночного развития – с другой. Ленин рассматривал нэп как преходящую фазу в развитии революции, как печальную необходимость смирить гордыню революции с рыночной стихией. Однако, какой бы жесткой ни была его критика нэпа, он с очевидностью, как не только революционер, но и реальный политик, понимал силу обстоятельств и необходимость компромиссов в критической для страны ситуации.

Миф о Ленине подчеркивал не эту его способность к компромиссу, а безапелляционность и твердость, которые – по мысли создателей мифа – должны быть присущи истинному другу трудящихся всех стран. Именно эти черты сложившегося образа были некритично взяты теми, кто задался целью стереть фигуру Ленина из российской истории, низвести ее до той точки, за которой возвращение ее и политики, которую она воплощала, совершенно невозможно. И те, кто считал Ленина полубогом революции, и те, кто обвинял его в разгуле террора, демонстрировали незаинтересованность в том, чтобы установить действительное наследие Ленина и его реальную роль в революции 1917 года. Современные исследования ленинского наследства чаще всего фокусируют внимание на его практической деятельности, по сути отмахиваясь от огромного теоретического наследия. Ленину принадлежит множество работ, посвященных не только революционному движению, но и общим вопросам состояния общества, его социальной структуры. Ленин был истинным последователем Маркса, его интерпретатором в новых обстоятельствах, но сам процесс интерпретации зачастую, как показывает практика, не менее креативен, чем основополагающие труды. Ленин, русский революционер, должен был не только в точности повторять то, что говорилось в марксистских трудах, но и использовать методологию марксистского анализа в оценке конкретной социально-политической ситуации в стране, которая самим основоположником марксистской теории была нелюбима, считалась архаичной тиранией и демонической реакционной внешней силой по отношению к народам Европы: «Никакая революция в Западной Европе не может окончательно победить, пока поблизости существует современное российское государство. Германия же – ближайший его сосед, на Германию, стало быть, обрушится первый натиск армий русской реакции. Падение русского царизма, уничтожение Российской империи является, стало быть, одним из первых условий окончательной победы немецкого пролетариата» [Маркс, 1962: 567]. Маркс, тем более Энгельс, который в негативизме отношения к России превзошел друга и основоположника, не могли представить себе, что пролетарская революция может произойти не в одной из промышленно развитых стран Европы, а в стране с преимущественно аграрной, отсталой экономикой и малочисленным промышленным рабочим классом. Признать за Россией право на пролетарскую революцию при фактическом отсутствии развитой капиталистической экономики означало, помимо прочего, согласиться на существенную переработку основополагающих положений классического марксизма, допустить, что политической силой может стать не столько пролетариат, сколько организации убежденных революционеров, выступающие от его имени. Речь шла не просто о коррекции марксистской теории, а о фактической отмене принципов экономического детерминизма, которые определяли направления исторического развития, и сил, которые должны были осуществлять социальные изменения.

В отличие от Плеханова, который в российскую пролетарскую революцию не поверил и осудил взятие власти партией большевиков, Ленин использовал марксистскую теорию не как догму, а как общее руководство к действию, как указание, в каком направлении

необходимо двигаться и какие задачи решать, чтобы социалистический проект можно было реализовать опережающими темпами не там, где предписывала классическая теория, а там, где в капиталистической системе возникали бреши, «слабые звенья», разрушая которые истинный марксист мог запустить процесс глобальных изменений. Этими «слабыми звеньями» в эпоху империализма могли стать, прежде всего, страны периферии, отсталые экономически и социально. Слабость этих стран выражалась в особом качестве социальной структуры, преобладании нищего сельского населения, с одной стороны, и архаичных форм закрепощения народной массы – с другой.

На эту особенность обратила внимание Т. Скочпол, анализирувшая причины революций, которые не только меняли власть, но и трансформировали сами социальные основы жизни общества [Скочпол, 2019]. Сопоставляя революции – французскую, русскую и китайскую, она пришла к выводу, что во всех трех случаях структурные предпосылки массовых народных возмущений коренились не в отношениях между классами, а в сложных взаимодействиях угнетенных классов с государством. К революциям приводила не столько борьба трудящихся, сколько обнаружившие себя в какой-то момент слабость и уязвимость государства, стоящего на защите привилегированных групп. Государство и его институты теряли силу по разным причинам. В одних случаях его власть ослабевала вследствие внешних военных конфликтов, которые заканчивались для него неудачно (Россия и Китай). В других – государство обнаруживало, что находится в конфликте с обществом, когда делалось инструментом реализации интересов социальной группы, заинтересованной в сохранении status quo (Франция). Положение не могли в этом случае спасти небольшие уступки революционизирующимся группам населения. Переживая государство как чуждую, враждебную силу, революционные классы готовы были идти до конца для того, чтобы сокрушить его политические институты и добиться для них «социального контракта».

Скочпол обратила внимание на три аспекта социальных изменений – структурный, властный и темпоральный. Именно эти аспекты чаще всего фигурируют в работах Ленина, уверенного в том, что для революции нужны не только структурные предпосылки, но и схождение благоприятствующих обстоятельств, в которых структурные напряжения выливаются в публичный протест, способный потрясти основы действующей власти.

Реальность класса: внутриклассовая дифференциация. Ранние работы Ленина и его «Развитие капитализма в России» посвящены анализу процессов развития российского общества в духе марксистской теории. Российский разворот создавал контекст, в котором классические марксистские вопросы – о мобилизации пролетариата, его отношении к функционирующим политическим институтам, классовом сознании – должны были отойти на второй план, уступив место крестьянскому, земельному вопросу [Ленин, 1968]. Ленин рисует картину становления в России многоукладного общества, характеризуя этот процесс как восхождение от простого к сложному, от сугубо крестьянского общества к обществу, в котором из крестьянства и других сословий выделяются классы со специфичными интересами. Первоначально существовала более или менее однородная крестьянская масса, но в дальнейшем, по мере развития земледельческих технологий, она дифференцировалась, становясь сложной, иерархичной с точки зрения масштабов производства. Мелкие производители, полагал Ленин, разорялись, и этот процесс был неизбежен потому, что такова логика становящегося капитализма, а становление капитализма неизбежно потому, что такова логика развития любого товарного производства. Общественное разделение труда возникает благодаря подъему производства, новым орудиям труда, но разделение труда – это еще и необходимость обмена, а обмен способствует коммерциализации и концентрации производства в руках тех производителей, которые сумели добиться более высокой эффективности в товарном производстве. Ленин считал, что эта, казалось бы, безупречная объективная потребность в рынке, в новом типе общественных отношений сдерживалась архаикой сословного общества, концентрацией привилегий и богатств на одном из его полюсов в ущерб остальным участникам производственных отношений.

Так, с точки зрения Ленина, отношения экономические входят в конфликт с отношениями политическими, с распределением власти и влияния в государственных инстанциях, где принимаются важные для развития рынка решения. Классы экономические движутся в сторону осознания своих интересов и постепенно шаг за шагом становятся классами политическими. Вопрос о качестве государства и о природе государственного управления становится для Ленина одним из главных именно потому, что здесь, в государственной структуре, заключены главные препятствия развития общества, здесь тормозится становление капитализма, который, при всех изъянах, предпочтительнее в силу присущей ему перспективы, чем прозябание в тенетах архаичного общественного строя, сохраняющего себя благодаря тираническому государству.

В работе «Развитие капитализма в России» Ленин приводит массу данных, свидетельствующих, что во второй половине XIX в. развитие капитализма в России шло полным ходом. В обществе, особенно крестьянстве, усиливалась дифференциация по уровню благосостояния крестьянских семей и по степени концентрации капитала в сельскохозяйственном и промышленном производствах. Капитализм свидетельствовал о себе в российской экономике появлением крупных хозяйств и крупных предприятий, которые приносили больше выгоды и, следовательно, имели больше перспектив. В рядах крестьянства образовались, с точки зрения Ленина, три социальные страты – бедняки, лишенные средств производства, середняки, составлявшие большинство, и крупные собственники, получившие благодаря имеющимся у них ресурсам возможность модернизировать производства, добываясь больших прибылей. Если бы процесс шел и далее, он, по логике Ленина, имел бы конечной точкой развитие капиталистическое общество: крестьяне, не выдерживающие конкуренции, были бы вынуждены мигрировать в город и в массе своей подпитывать растущее промышленное производство. На земле оставались бы в основном крупные хозяйства, в которых бедные крестьянские слои работали по найму. Таким образом, в ходе становления капитализма в России возникали бы две группы пролетариев – работающие по найму крестьяне и рабочие в промышленности. Однако, чтобы подобная эволюция ввела страну в этап развитого капитализма, понадобилось бы не одно десятилетие, а итогом процесса стал бы порядок, в котором рабочий человек в деревне или городе испытывал на себе все тяготы эксплуатации, несправедливости, весь спектр подавления свобод, к которому, как правило, прибегают правящие классы, держащие под контролем государство и его репрессивный аппарат. Дело революции, полагал Ленин, не в том, чтобы ускорить развитие капитализма, а в том, чтобы, минуя капиталистическую формацию, выйти в самые короткие сроки к той точке, отправляясь от которой можно будет строить социалистическое общество.

Ленин, в отличие от Маркса, полагал, что в новой ситуации важную роль в определении общественной перспективы может сыграть не только класс, но и внутриклассовое деление. В работах Маркса о дифференциации внутри классов тоже говорилось немало, но Маркс искал объяснительные модели в различиях, которые характерны, прежде всего, для правящих верхов, класса буржуазии. В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» он различает позиции крупной и мелкой буржуазии, промышленного и финансового капитала [Маркс, 1957]. У Ленина, по необходимости, объектом анализа становится дифференциация внутри крестьянства. Классы формируются не только на уровне общества, но и внутри каждой большой социальной группы, выделяемой по месту в общественном раз- делении труда. С его точки зрения, эти различия раскрываются в ценностях и верованиях разных крестьянских классов – сельского пролетариата и сельской буржуазии. В аграрной стране революционная партия обязана искать опору не только в среде промышленных рабочих, но и среди беднейших крестьян, находящихся в безвыходной экономической ситуации. Ленин, как и Маркс, указывал на противоречивость, политическую ненадежность среднего слоя крестьянства, который всегда готов прельститься мелкобуржуазными лозунгами, заинтересован в становлении частных хозяйств в ущерб обобществлению, которое идет быстрыми темпами, предвещая наступление социалистической эпохи.

По характеру рассуждений Ленин ближе к «Восемнадцатому брюмера Луи Бонапарта», чем к «Манифесту коммунистической партии». Именно в «Восемнадцатом брюмера» Маркс рассуждает об активных группах внутри больших классов, группах, для которых характерно не столько «классовое», сколько «ситуационное» сознание, соотносимое с условиями, в которых они находятся. При этом идеология, которую готовы разделять разные группы, далеко не всегда соответствует интересам класса в целом: рабочие могут уверовать в кассы взаимопомощи, крестьяне предпочесть социализму мелкобуржуазную веру в себя и свой труд на земляной парцелле, которую удалось отстоять в борьбе с сельскими капиталистами. В этих обстоятельствах мобилизация трудящихся в борьбе за социализм выглядит делом безнадежным, каковым оно и стало в конечном итоге в «Восемнадцатом брюмера». Буржуазия готова изменить делу демократии в момент, когда ее интересы совпадают с интересами действующей власти, а рабочие и крестьяне демонстрируют понятную непоследовательность в тот момент, когда на кону оказывается их собственное благополучие и благополучие их семей. Таким образом, ожидать, что класс самостоятельно, стихийно созреет для революции, означает поставить в деле революции точку. Ленин сталкивается в этом случае с дилеммой, которую должен решать для себя и тех сил, которые он ведет как любой революционер: необходимость мобилизации, с одной стороны, и ее невозможность в силу существующей в обществе дифференциации интересов – с другой. Одно дело рассуждать о классах как локомотивах революции в теоретическом плане, другое – наблюдать классы в разноречивой и противоречивой обстановке реальных политических конфликтов. Класс как идеальный тип, как эксплуатируемый пролетариат, определяемый марксистской парадигмой, и класс как он есть, непоследовательный, наполовину крестьянский, склонный к бытовому порокам – пьянству и семейному насилию, – разные агенты социальных изменений. Антагонизм больших классов всегда непоследователен, чреват компромиссом и уходом от прямого столкновения, а это означает в парафразе, что дело революции слишком ответственно, чтобы доверить его пролетариату, взятому в тотальности. Революция, в задачу которой входит сокрушение репрессивного государственного аппарата, может быть осуществлена только в случае, если противостоять аппарату будут настоящие профессионалы, опирающиеся на поддержку не всего класса, а наиболее последовательного его ядра, отобилизованного вплоть до того, чтобы в критический момент противостоять правительственным силам собственными отрядами.

Класс и организация. О том, что в марксистской теории классов есть серьезные лакуны, стало ясно, когда основоположник теории был жив и вынужден был отвечать на непростые вопросы, которые задавали ему русские революционеры. И первый из таких вопросов: как будет преобразовано государство, сможет ли общество обойтись без Левиафана в условиях, когда исчезнет система сдержек и противовесов в форме интересов отдельных классов и слоев? Маркс и Энгельс полагали, что старое государство должно отмереть, уступив место государству нового типа, тон в котором будут задавать классы-победители, прежде всего пролетариат [Энгельс, 1961: 5]. Бакунин не без оснований подметил, что теория трансформации государства в марксистской концепции проработана слабо, а государство, в частности государственная бюрократия, не захочет тех преобразований, которые предложат революционеры [Бакунин, 1989: 314]. В конце концов бюрократия устроит социальную жизнь по своим лекалам, которые в основных моментах разойдутся с надеждами революционеров. Бюрократическая диктатура будет не менее жесткой, чем диктатура буржуазии, местами более пагубной, поскольку будет опираться на имеющиеся у государства инструменты подавления не только физических протестов, но и идей, которые их питают.

Спор между Марксом и Бакуниным подтвердил еще раз, что суждения социальных мыслителей опираются в том числе на их собственный опыт, ценностно определяемую оценку конкретной ситуации, сложившейся в собственном обществе и за его пределами. Ленин сознательно выбрал в качестве опоры «теорию среднего уровня», связанную с

марксизмом общими основаниями, но предельно конкретную, соответствующую обстоятельствам, которые переживало российское общество в дореволюционный период эволюции. Ленин считал не без оснований, что стихийное революционное движение, протестные настроения не смогут повлиять на политику российского государства, привычно игнорировавшего любые интересы, кроме интересов экономической и политической верхушки. В работе «Что делать?» он рисует примерный сценарий того, что будет происходить, если пустить работу на самотек: возникнут кружки, формируемые революционерами-кустарями, которые при благоприятном стечении обстоятельств привлекут в свои ряды активистов, готовых сражаться за дело революции. Но к тому времени государство и полиция смогут заслать в эти первичные организации свою агентуру и провокаторов. В решающий момент, в момент массовых выступлений революционеры будут обезврежены, а остальные недовольные рассеяны и достаточно напуганы для того, чтобы впредь быть более осторожными и держаться от революционеров и их организаций подальше. «Кустари» и «экономисты», полагал Ленин, – это проблемные точки революционного движения, и, только справившись с ними, можно надеяться на продвижение дела революции [Ленин, 1963].

Когда Ленин говорит о «кустарях», он имеет в виду, прежде всего, спонтанно возникающие кружки при участии образованных классов и по их инициативе. Спонтанно возникшие кружки, самоорганизация наиболее активной части общества сыграли важнейшую роль в подготовке возмущений и революций. Именно в «кружках», очно, в спорах будущих революционеров прорабатывалась программа революции и ее основные требования. Не чем иным, как кружком, были декабристы, которые именно во время совместных посиделок вырабатывали понимание того, чем должна стать Россия после переворота. Кружки, небольшие сплоченные группы предшествовали первой русской революции 1905 года. Л.Г. Ионин полагает, что «кружки», которым легко было выдать себя за ячейки, преследовавшие цели образования, в дореволюционный период выполняли важнейшую функцию внесения революционной идеологии извне: «Фактически, на начальном этапе процесс внесения идеологии проходил, если можно так выразиться, по третьему типу из указанных нами выше: идеология вносилась в массы рабочих извне, внешними по отношению к самим рабочим группами и силами. Агентами, вносящими марксистскую идеологию в рабочие массы, оказывались студенты – интеллигенты и разночинцы, то есть не сами рабочие. В то же время лучшие из представителей социал-демократии стремились не просто “внушить” рабочим в упрощенной форме основные истины марксизма, но пробудить в самих рабочих способность анализировать собственную жизнь, приходя на этом основании к собственным политическим выводам. Это уже переход к формированию идеологии по первому типу (“она складывается сама собой, стихийно в широких народных массах”))» [Ионин, 2012: 91].

В «Что делать?» Ленин приходит к выводу, что «кружки» можно объединить в единую сеть, которая будет направляться из единого центра и в этом качестве станет, по сути, идеальным инструментом мобилизации, который можно будет направлять из-за рубежа. Желая подавить разрастающееся движение протеста, власть будет вынуждена многократно усиливать репрессии против любых живых объединений молодых людей, рабочих и тем самым усиливать протестные настроения в обществе. Однако усилия власти не смогут уничтожить сетевую структуру, которая будет не только собирать в одну сплоченную группу единомышленников, но и, образовывая их, создавать условия для распространения идеологии борьбы и освобождения.

Ленин вносит новации в организацию революционного дела, предлагает отказаться от экономизма, то есть, по сути, отвергнуть святая святых марксистской идеологии – ее акцент на первичности экономики. Созревание рабочего движения по мере развития экономики, полагает он, займет десятилетия, если не столетия, и, даже если это произойдет, не будет никакой гарантии, что рабочие сами, стихийно создадут силы, способные опрокинуть буржуазное государство. Победу революции может обеспечить консолидированное

меньшинство, организованное сетевым образом, находящееся под управлением профессиональной политической организации, сформированной убежденными сторонниками радикальных преобразований. Исходя из этого предположения, Ленин делает следующий шаг, существенно меняющий представления о революционной борьбе рабочего класса. Он делает шаг в сторону пересмотра еще одного из ключевых представлений о грядущей революции, а именно идею превращения «класса в себе» в «класс для себя». Это превращение, считает он, возможно в условиях буржуазной демократии, когда политические партии имеют возможность тесно взаимодействовать с профсоюзами – профессиональными организациями рабочего класса. В России профессиональные организации рабочих находятся под запретом, а стачки поставлены вне закона [Ленин, 1963: 172]. В этих обстоятельствах рассчитывать на постепенное «созревание» пролетариата, его соединение с революционной социал-демократией не приходится. Те, кто навязывают рабочим идеи эволюции, предают идею революции. Осознание рабочим классом своих интересов – долгий и противоречивый процесс, и если какие-то шаги в сторону легализации рабочих организаций, пусть даже внешне безобидных, будут сделаны, это пойдет на пользу социал-демократии только в случае, если в условиях постоянного прессинга она сможет сохранить себя. А сделать она это сможет, только если станет организацией тех, кто полностью, беззаветно и одновременно профессионально посвятит себя делу революции: «Если мы начнем с прочной постановки крепкой организации революционеров, то мы сможем обеспечить устойчивость движения в его целом, осуществить социал-демократические и собственно тред-юнионистские цели» [Ленин, 1963: 177]. Важно и то, что подпольная боевая организация сможет овладеть навыками конспирации, которые невозможно распространить, если речь идет о широких массах. Эта организация возникает не как результат активизации рабочего класса, осознания им насущных интересов, а как конструируемое образование, в задачу которого входит не только стабилизация рабочего движения, но и прямой вызов авторитарной власти. Именно профессиональная организация сможет, полагает Ленин, соблюсти выдержку, точно рассчитать время выступлений и нанести удар как раз в момент, когда власть окажется ослабленной. Темпоральный аспект подготовки революции Ленин считал исключительно важным, неподготовленные выступления приводят к серьезным поражениям, отступлению по всему фронту и отодвигают тот момент, когда победа будет возможна.

В ходе создания подпольной революционной организации придется, считает Ленин, пожертвовать некоторыми принципами внутрипартийной демократии: демократия в условиях схватки с режимом не на жизнь, а на смерть – это лишь «пустая и вредная игрушка» [Ленин, 1963: 32]. На войне не может быть демократии, когда власть презирует любые принципы демократии, революционерам придется поневоле принять наиболее жесткий вариант противостояния, пожертвовав процедурой в пользу мобилизации. Закаленная в боях организация революционеров, лишь отчасти напоминающая партию, окажется полезной не только на этом этапе, но и тогда, когда наступят для революционеров более благоприятные времена. Это организация сможет обрести легальными институтами, выдвигать своих кандидатов в представительные органы, не теряя при этом способности делать то, что делала прежде, а именно – применять насилие и конспиративную тактику для достижения целей. Рассуждая о пролетариате и его интересах, Ленин фактически отождествляет их с партией и созданной «сверху» организацией революционеров. Партия, организованная для борьбы с репрессивным режимом, фактически представляется им единственной силой, представляющей интересы рабочих, понимая их так, как того требует марксистская доктрина, а не так, как их видят сами рабочие, разменявшие пролетарское сознание на «ложное», на обманчивый идеал.

Таким образом, в понимании Ленина класс как движущая сила революции представлен по-разному в трех возможных радиусах. В первом самом широком из них находится масса рабочих, которая зачастую не осознает свои «истинные» интересы, готова плестись в хвосте у партий, ориентированных на крестьянские интересы, ведет себя

непоследовательно и демонстрирует склонность к компромиссам. В классе, который взят тотально, как вся совокупность тех, кто в него входит, революционные настроения проявлены, прежде всего, в форме ресентимента – общего недовольства тем, как устроен социальный порядок, как бесцеремонно попираются интересы рабочего человека. Из этих рядов формируется второй, более близкий к центру радиус, в который входят организованные в сеть «кружковцы», более просвещенные и более подготовленные к классовой борьбе. В центре находится организация профессиональных революционеров с непрерываемым авторитетом, готовая к мобилизации, к созданию боевых отрядов, включающих в себя военных, которые в случае общественно-политического кризиса возьмут власть в свои руки.

Классы в трактовке Маркса и Ленина. Ленин считал себя ортодоксальным марксистом, до буквы следующим основным положениям марксистской теории. Но что считать ортодоксией в данном случае? Маркс, построивший свою теорию на диалектическом принципе борьбы классов, не оставил наследникам строгого определения этого ключевого понятия. Если речь идет о буржуазии и рабочих, то здесь, казалось бы, все понятно, но лишь до той поры, пока вопрос не переносится в политическую плоскость. В политической борьбе обнаруживают себя игроки, выбивающиеся из общей линии противостояния двух классов. Выясняется, как это следует из расклада сил в «Восемнадцатом брюмера», что социальные интересы могут быть определены на системном, формационном уровне, а могут быть и политическими, и пересечения между этими уровнями не происходит. В классе буржуазии существуют разные группы с разными, зачастую противоположными интересами. В некоторых случаях наиболее прогрессивные отряды буржуазии могут выступать за принципы демократии, которые в целом соответствуют интересам рабочих. Парцелльные крестьяне могут примыкать не столько к рабочим, которые, казалось бы, ближе им, чем буржуазия, а к силам, которые обещают облегчить их положение, при этом не так уж важно, к какому лагерю они принадлежат.

Логично предположить, что революция, если ее будут делать представители всего класса пролетариев, будет отличаться непоследовательностью и, скорее всего, потерпит поражение. Ленин полагал, что революция будет иметь иной исход, если ее теоретико-политической основой станет «Манифест коммунистической партии», четко определяющий цели развития, задающий его направление и системно представляющий интересы угнетенных классов. Классы пойдут вслед за партией революционеров, пусть не в полном составе, а частично, но и этого будет достаточно, чтобы одержать победу и учредить коммунистическую диктатуру.

Важный вопрос мог бы прозвучать следующим образом: а что дальше? Что произойдет после того, как революционная партия возьмет власть и будет безраздельно распоряжаться силовыми ресурсами государства? После того, как власть класса буржуазии сокрушена, как будет осуществлен переход к демократии; возможна ли тогда оппозиция? На второй вопрос Ленин дает отрицательный ответ: победой революции борьба не заканчивается, она только начинается, поэтому распускать «внутреннюю» партию нельзя. Она должна, как прежде, выполнять роль ордена, защищающего идеалы рабочего движения, что особенно актуально в государстве, охваченном мелкобуржуазной крестьянской стихией: «Мы можем (и должны) начать строить социализм не из фантастического и не из специально нами созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализмом. Это очень “трудно”, слов нет, но всякий иной подход к задаче так не серьезен, что о нем не стоит и говорить» [Ленин, 1968: 33]. Вызовы, которые подстерегают социализм, не исчерпываются размывающей пролетарский идеал крестьянской стихией, ему противостоит бюрократия, которая в российском контексте наследует все пороки прежнего общественного устройства. Общественный порядок, формируемый бюрократической «железной клеткой», должен иметь противовесы в форме силы, внешней по отношению к ней, обладающей в обществе бесспорным влиянием и властью. Партия в ситуации, когда глубокое понимание классовых интересов и видение будущего характерны для меньшинства

образованных, прошедших горнило борьбы за власть революционеров, становится важнейшим инструментом продолжения преобразований: «Уничтожить классы – значит не только прогнать помещиков и капиталистов – это мы сравнительно легко сделали – это значит также уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой. Они окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию. Нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри политической партии пролетариата, чтобы этому противостоять, чтобы организаторскую роль пролетариата (а это его главная роль) проводить правильно, успешно, победоносно» [Ленин, 1968: 27]. Именно партия сможет осуществлять социальную селекцию, отбирая из рабочих и беднейших крестьян наиболее сознательных последователей пролетарского дела, направляя их на руководящие позиции. И в этом случае класс не столько данность, сколько двухуровневая конструкция, на нижней ступеньке которой находится тотальность пролетарской массы, непоследовательной, крестьянской еще по сути своей. Класс, взятый в тотальности, в точности определяемый по критериям, данным в теории, не имеет уровня сознательности, который необходим для освобождения и строительства коммунизма. Только сознательное ядро, формируемое сверху партийными органами, сможет стать надежной основой сохранения намеченного партией, ею воплощаемого вектора движения. В ленинской логике класс следует понимать не как реальную общность людей, а как идеальный тип, несущий в своем сознании интересы социализма и коммунизма. По Ленину, дело демократизации и предосторожности свобод, создания институтов, отвечающих принципам свободного общества, следует отложить на неопределенное будущее, до момента, когда страна преодолет кризис, уничтожит частную собственность, а идеи социализма подхватят другие народы и страны, облегчая тем самым для России движение в будущее.

Заключение. Дьёрдь Лукач, предвзяв работу «История и классовое сознание», задал себе и своим воображаемым собеседникам вопрос: что такое ортодоксия? [Лукач, 2017]. В каких границах теория социальных преобразований может считаться соответствующей классическому канону, а в каких – отошедшей от него, нарушающей его логику. Собственные ранние работы он склонен критиковать, признавая присутствие в них важных новых идей, отвечающих духу эпохи. С его точки зрения, наиболее проблемный, переломный период в жизни теоретика наступает тогда, когда он встает перед необходимостью решать прикладные задачи, заниматься организацией конкретной работы, делать революцию в жизни, с участием несовершенных, не всегда разделяющих революционные идеи людей, в сложившихся обстоятельствах выступивших единственной силой, на которую можно опереться. С его точки зрения, основная заслуга Ленина в том, что он, действуя в конкретной ситуации, сумел оставаться философом-марксистом, мыслить диалектически, сохранять связь между высшим уровнем рефлексии и организационной работой. «Сила Ленина как теоретика, – полагает он, – основывается на том, что любую категорию – какой бы абстрактно-философской она ни была – он рассматривает как действующую внутри человеческой практики. С другой стороны, при любом действии, которое всегда основывается на конкретном анализе конкретного положения, он приводит этот анализ в органическую и диалектическую связь с марксистскими принципами. Таким образом, в строгом смысле слова Ленин не является ни теоретиком, ни практиком, но выступает глубоким мыслителем практики, страстным преобразователем теории в практику» [Лукач, 2017: 76]. Однако соединение общей идеи и практики – это не просто иерархический процесс, направленный сверху вниз, не элементарная операционализация понятий, которые во многих случаях, на базовом уровне, организационном уровне, не поддаются осмысленной интерпретации. Далеко не редкость ситуация, когда организационная стихия отдаляет политика от теории настолько, что любое обращение к ней становится не более

чем оправданием веры. В реальности же принимаемые решения целиком и полностью вписываются в элементарную программу захвата власти и ее удержания, политику компромиссов, направленную на сохранение лояльности влиятельных лиц, договоренностей, открытых и тайных, в которых основным мотивом становится собственный краткосрочный интерес. Лукач прав: о Ленине невозможно говорить как о политике, который после прихода к власти оставил идеалы позади, чтобы всеми доступными силами сохраниться во власти. Дорога борьбы, которую выбрали Ленин и его соратники, потребовала от него настоящей глубокой ревизии теоретического наследства, пересмотра базовых положений марксистской теории, причем чем дальше, тем более глубокого. Ленина можно считать теоретиком практической борьбы за революцию, за радикальные преобразования в странах периферии, которые сейчас принято называть государствами второго или третьего мира. Русская революция, как и многие последующие революции и радикальные реформы в развивающихся странах, затевалась в косной крестьянской стране, в которой большинство населения не владело грамотой, в которой не было развитой промышленности (большинство так называемых мануфактур насчитывали 10–15 работников), где дорогами именовались направления, а 27,3% крестьян, самого многочисленного класса, были безлошадными, то есть лишенными элементарных средств сельскохозяйственного производства [Ленин, 1968: 138]. В этой стране восемь из десяти новорожденных детей умирали от болезней, а иногда и голода, сохранялись феодальные пережитки, правящие классы и охранявший их интересы авторитарный режим до последнего держались за привилегии, даже несмотря на растущие стихийные протесты населения. В этой России, о которой сожалеют некоторые страдающие отсутствием воображения современники, революция могла происходить только как переворот и только в жестком противостоянии с репрессивной машиной государства. Альтернативой ему был тот самый экономизм, обещавший развитой капитализм в далекой перспективе, но оставляющий за рамками острейшие проблемы населения в конце XIX – начале XX в.

К. Джовитт, констатировавший в начале 1990-х гг. смерть ленинизма, был совсем недалек от истины [Jowitt, 1991]. Политическая машина модернизации, создававшаяся для страны отсталой, не имела исторической перспективы. Ее функции были исчерпаны к началу 1960-х гг., в тот момент, когда советское общество стало городским, рождаемость снизилась до уровня воспроизводства, а система образования свела до абсолютного минимума долю людей, не имевших за плечами восемь классов начальной школы. К началу 1960-х гг. доля выпускников высших и средних специальных образовательных учреждений достигла пятой части населения, что соответствовало уровню наиболее развитых стран Европы [Болдырев, 1974: 48–49]. В этот момент, по утверждению Джовитта, первый секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев объявил о завершении этапа классовой борьбы. Это означало, кроме прочего, что однопартийная политическая система и свойственная ей система социальных фильтров более не соответствовали «цветущей сложности» развивающегося общества. Джовитт пишет: «Сильная сторона ленинского режима партийности зависела от его способности адаптироваться к текущей ситуации, не принося в жертву его боеспособность или самодостаточность как отдельного политического сообщества (политии). Ритуализация партийной жизни, произошедшая в брежневский период, ослабила партию. Релятивизация партии как советского полиса, реализованная после прихода к власти Горбачева, подписала системе приговор» [Jowitt, 1991: 76]. К этому добавилась феномен польского профсоюза «Солидарность», ясно продемонстрировавший различие между классом и силой, которая претендовала на то, чтобы выступать от его имени. Ленинская система – в этом Джовитт прав – имела конкретные временные рамки, в которых она могла демонстрировать эффективность. В мире победившего либерализма ее институты, ее мобилизационные возможности невозможно было использовать, не подвергнув их серьезнейшей трансформации. Вместе с ленинизмом в Лету канула советская цивилизация, которая задавала собственную систему ценностей в странах советского блока, в развивающихся странах, которым она предоставляла возможность, отмежевываясь от социализма и

капитализма, искать идентичность и свой путь развития. Джовитт считает, что после неизбежного коллапса советской системы мир вступил в пору неопределенности, новых неравенств, конфликтов и войн. С этим, наблюдая текущую ситуацию, трудно не согласиться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989.
- Болдырев В.А. Итоги переписи населения СССР. М.: Статистика, 1974.
- Ионин Л.Г. Восстание меньшинств. СПб.: Университетская книга, 2012.
- Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41. М.: Политиздат, 1981. С. 3–104.
- Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.: Политиздат, 1971. С. 1–609.
- Ленин В.И. Лев Толстой как зеркало русской революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 17. М.: Политиздат, 1968. С. 206–213.
- Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.: Политиздат, 1963. С. 1–192.
- Лукач Д. История и классовое сознание. Хвостизм и диалектика. Тезисы Блюма (фрагменты). М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2017.
- Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8. М.: Политиздат, 1957. С. 115–217.
- Маркс К., Энгельс Ф. О социальном вопросе в России // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Т. 18. М.: Политиздат, 1962. С. 566–568.
- Скочпол Т. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Ин-т Гайдара, 2019.
- Энгельс Ф. Письмо к А. Бебелю // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Политиздат, 1961. С. 5.
- Jowitt K. The Leninist Extinction // Chirot D. (ed.) The Crisis of Leninism and the Decline of the Left: The Revolutions of 1989. Seattle: University of Washington Press, 1991. P. 74–99.

Статья поступила: 13.01.20. Принята к публикации: 18.02.20.

LENIN'S NOTION OF CLASS AS A CASE OF POLITICAL CONCEPTUALIZATION

CHERNYSH M.F.

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Mikhail F. CHERNYSH, Dr. Sci. (Sociol.), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, First Deputy Director for Research and Education at the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (mfche@yandex.ru).

Abstract. Vladimir Lenin is known primarily as a practical revolutionary, his contribution, however, to radical transformation of society involves introduction of considerable changes into the class concept. He treated class as a social group that stands apart from other social groups due to its employment and its own specific world outlook. Classes are heterogeneous social groups that make it impossible to solidify them in the struggle for social change. Real, not theoretical classes, are disposed to compromises and appeasement. In a country with a backward agricultural economy in which society was under constant pressure from the authoritarian regime, real changes could only be effected by way of mobilizing a small, unwavering minority, organized into a network of underground local groups. Small militant party with cadres capable to work underground should be placed at the center of the network. Lenin believed that the party must stay in power even after the revolution in order to withstand the pressure of petty bourgeois elements. The Leninist concept of class as an ideal type with a set of social interests maintained by a small group of revolutionaries dovetailed with the reality of an agrarian society in which socialist modernization could only be effected through utmost centralization and mobilization. Lenin's concept of constructed classes was losing its relevance in the Soviet society that was evolving towards modernity.

Keywords: Marxism, classes, class interests, class differentiation, mobilization, revolution.

REFERENCES

- Bakunin M.A. (1989) *Philosophy. Sociology. Politics*. Moscow: Pravda. (In Russ.)
- Boldyrev V.A. (1972) *Summary Results of the all-USSR Census*. Moscow: Statistica. (In Russ.)
- Engels F. (1961) Letter to A. Bebel. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 19. Moscow: Politizdat: 5. (In Russ.)
- Ionin L.G. (2012) *Minorities Revolt*. St. Petersburg: Universitetskaya kniga. (In Russ.)
- Jowitt K. (1991) The Leninist Extinction. In: Chirot D. (ed.) *The Crisis of Leninism and the Decline of the Left: The Revolutions of 1989*. Seattle: University of Washington Press: 74–99.
- Lenin V.I. (1981) "Left-wing" Communism: An Infantile Disorder. In: Lenin V.I. *Complete Works*. Vol. 41. Moscow: Politizdat: 3–104. (In Russ.)
- Lenin V.I. (1971) The Development of Capitalism in Russia. In: Lenin V.I. *Complete Works*. Vol. 3. Moscow: Politizdat: 1–609. (In Russ.)
- Lenin V.I. (1968) Leo Tolstoy as a Mirror of the Russian Revolution. In: Lenin V.I. *Complete Works*. Vol. 17. Moscow: Politizdat: 206–213. (In Russ.)
- Lenin V.I. (1963) What Is to Be Done? In: Lenin V.I. *Complete Works*. Vol. 6. Moscow: Politizdat: 1–192. (In Russ.)
- Lukács G. (2017) *History and Class Consciousness. Tailism and the Dialectic. Blum Theses (fragments)*. Moscow: Russkiy fond sodeistvia obrazovaniyu i nauke. (In Russ.)
- Marx K. (1957) The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 8. Moscow: Politizdat: 115–217. (In Russ.)
- Marx K., Engels F. (1962) On the Social Question in Russia. In: Marx K., Engels F. *Complete Works*. Vol. 18. Moscow: Politizdat: 566–568. (In Russ.)
- Skocpol T. (2019) *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)

Received: 13.01.20. Accepted: 18.02.20.